

И потому, когда в следующий раз Се Цзин предстал перед императором, 4848 внезапно выскочил с сообщением [Очки симпатии +5]. Чжу Линсы был почти что потрясён до глубины души.

Этот плюс действительно заставил себя ждать.

В тот день, ожидая, пока Се Цзин проверит плоды его недавних учебных стараний, Чжу Линсы задумчиво смотрел в окно на юго-восток.

— Уже началось? — спросил он.

Там находилось Министерство ритуалов, поэтому Се Цзин ответил:

— Да.

Столичный экзамен первого года правления под девизом Лунцзя официально начался.

Самый известный учёный муж, сдававший внеочередной экзамен первого года Лунцзя, был не чжуаньюань, не баньянь и не таньхуа, а никому не известный мелкий сошочник по имени Цао Цзюньши, который три года назад сдавал экзамен в один год с Се Цзином, но так и не получил назначения на должность в Министерстве чинов.

В мгновение ока имя Цао Цзюньши оказалось в центре уличных пересудов и разговоров. Жители столицы взахлёб дивились: что же это за талант, способный спасти мир, что государь с первого взгляда отметил его, и, невзирая на возражения всех сановников, едва не отдал ему даже титул чжуаньюаня.

Некоторые говорили:

— Государь ещё молод, не иначе как тот сановник Цао соорудил какую-нибудь забавную штуку, чтобы его порадовать.

Услышавшие это дружно смеялись, и все в глубине души были с этим согласны.

Хотя слова эти были несколько дерзкими, они не являлись полной выдумкой: Цао Цзюньши и вправду принёс Чжу Линсы кое-что замечательное.

В пятнадцатый день третьего месяца более двухсот учёных мужей собрались в павильоне Цзяньцзи для сдачи дворцового экзамена.

Лишь после ужина Пань Бинь с людьми доставил экзаменационные работы в павильон Вэньхуа, где Чжу Линсы и сановники с нетерпением ожидали.

Места на дворцовом экзамене уже были предварительно распределены Сюй Чэном и заместителем главного экзаменатора Хэ Е, который также был министром финансов и отцом Хэ Сяня.

Чжу Линсы изначально не имел возражений против этого списка. Он доверял пронизательности и суждению Сюй Чэна, которые наверняка были надёжнее его собственных. Однако ему было очень интересно ознакомиться с ответами экзаменуемых.

При его нынешнем уровне, если бы пришлось напрямую проводить «дворцовые прения» с кандидатами, было бы довольно неловко. Чтобы скрыть свою некомпетентность и выделить ключевые моменты, Чжу Линсы задал всего один вопрос:

Если Бэйсян поведёт на нас пятьсот тысяч отборных войск, как должна поступить Поздняя Мин?

Ещё до начала экзамена Сюй Чэн смутно догадывался, какой вопрос задаст Чжу Линсы, но, увидев его после начала, всё же был несколько удивлён.

Хуан Юй, взглянув на экзаменационный билет, отложил его в сторону и спокойно отправился завтракать.

Сюэ Ин был военным и отнёсся к вопросу ещё менее почтительно, чем те двое:

— Ваше Величество, племён у Бэйсян много, но даже самое крупное из них в лучшем случае насчитывает сто тысяч человек.

Чжу Линсы с надеждой посмотрел на Се Цзина.

Брови Се Цзина слегка сдвинулись, и по его лицу нельзя было понять, что он чувствует. Сердце Чжу Линсы забило тревогой.

С одной стороны, ему ужасно хотелось узнать, что же думают учёные мужи Поздней Мин по этому вопросу. С другой — он тревожился и волновался: без проверки Се Цзином, выдержит ли составленный им вопрос звание настоящей темы дворцового экзамена первого года Лунцзя.

Когда работы доставили, все присутствующие евнухи принялись их разворачивать. Экзаменационные листы уже были предварительно переписаны чиновниками Министерства ритуалов и Ханьлинской академии, поэтому оценка была слепой.

Не прошло и получаса, как Сюй Чэн и Пань Бинь принялись нахваливать одну из работ. Сверив имя, они увидели, что это шаньсийский учёный муж Цзя Пэнчэн, которого они уже давно прочили в фавориты.

Чжу Линсы тоже подошёл и взглянул. Сочинение было написано прекрасно, с самого начала оно излучало мощный дух, было полно психологической уверенности Поздней Мин как центральной империи перед кочевыми народами Бэйсян. Основная мысль по-прежнему сводилась к «добродетели, покоряющей дальние земли», идея заключалась в том, чтобы сначала заняться просвещением, покорить врага без боя.

Се Цзин и Хэ Е тоже разглядывали одно сочинение. Его стиль был относительно простым, оно тоже начиналось с идеи просвещения, привлечения Бэйсян передовой культурой, затем говорилось о необходимости стабилизировать налоги, пополнить государственную казну, обеспечить военные расходы, а главное — обучить конницу, способную противостоять Бэйсян.

В этом сочинении были и «принципы», и «методы», замысел был возвышенным, а меры — практичными, чрезвычайно осуществимыми, неудивительно, что оно понравилось Се Цзину. Автором был Ляо Цай, которого Сюй Чэн прочил в баньяни.

Чжу Линсы читал свою работу медленно. Хотя он и учился уже четыре месяца, с традиционными иероглифами всё ещё было трудно.

К счастью, в этой работе почерк был изящным и необычным, сложных иероглифов почти не встречалось, да и в целом она была легко понятна.

Дойдя до конца, Чжу Линсы округлил глаза.

— Ваше Величество... Ваше Величество.

Чжу Линсы очнулся, не зная, сколько раз уже звал его Се Цзин, и извиняюще улыбнулся. Се Цзин вдруг произнёс:

— Простите, Ваше Величество, — и протянул руку ко лбу Чжу Линсы.

Убедившись, что температуры нет, Се Цзин наконец успокоился. Чжу Линсы всё это время был будто в тумане, на зов не отзывался, и он всерьёз опасался, что из-за непрерывных хлопот маленький государь переутомился и заболел.

Чжу Линсы покраснел и чинно уселся обратно в своё кресло-трон.

— Эта работа, на мой взгляд, неплоха.

В Министерстве ритуалов пошли проверять имя. Им оказался фуцзяньский учёный муж Цао Цзюньши. Се Цзин сказал:

— Я помню этого человека.

Цао Цзюньши три года назад сдавал экзамен в один год с Се Цзином, но получил лишь звание тунцзиньши, был зарегистрирован в Министерстве финансов и до сих пор не получил назначения на должность.

Сюй Чэн и Хэ Е взяли ту работу и стали внимательно её изучать. Брови у обоих нахмурились.

Затем они передали её Хуан Юю, Пань Биню и другим. Те тоже выразили недовольство, слегка покачав головами. Сюэ Ин, взглянув на работу, со стуком шлёпнул ею по столу:

— Чушь собачья!

Маленькое тельце Чжу Линсы дёрнулось от его грозного вида и сверкающих глаз.

Когда работа дошла до Се Цзина, его лицо стало мрачным, но он не стал делать окончательных выводов, а поманил стоявшего рядом молодого чиновника:

— Взгляни-ка.

Этот человек был либо из Министерства ритуалов, либо из Ханьлинской академии, пришёл помочь. В отличие от этих пожилых и средневозрастных сановников (кроме Се Цзина), посвятивших всю жизнь службе государству, у него было красивое, белое лицо, влажные персиковые глазки — в эпоху, из которой пришёл Чжу Линсы, он был бы чистой воды интернет-знаменитостью, свежим мясом.

Увидев ту работу, он, прочитав всего две строчки, расплылся в улыбке:

— Это я переписывал. Изумительно, изумительно!

Его такая развязность перед всеми вызвала недовольство Се Цзина, который строго произнёс:

— Цзычжи!

Чжоу Чжэнь, второе имя Цзычжи, таньхуа того же года, что и Се Цзин, старый друг, известный своим талантом, человек своенравный и необузданный. О нём в мире говорили: «Непостижим».

Хотя этот человек казался ненадёжным, среди всех в этой комнате он, похоже, был единственным, кто мог поддержать идею Чжу Линсы.

— Что думает академик Чжоу? — спросил Чжу Линсы.

— Великое мастерство выглядит как неумелость, великая мудрость — как глупость. Если этот человек не войдёт в правительство, это будет потеря для Поздней Мин, — не колеблясь ответил Чжоу Чжэнь.

Отлично. Чжу Линсы получил подтверждение от коренного жителя и приобрёл ещё немного уверенности.

— Тогда я назначаю его чжуаньюанем...

— Ни в коем случае, государь! — в ужасе воскликнул Хуан Юй, его колени с глухим стуком ударились о пол. Чжу Линсы поспешил его поднять, но все сановники словно вскипели, один за другим крича «Ни в коем случае!» и «Подумайте ещё раз!».

Чжу Линсы почувствовал обиду. Ведь было же договорено, что чжуаньюаня определяю я.

В работе Цао Цзюньши сначала кратко утверждалась национальная гордость и уверенность, указывалось, что в вопросе отражения нападения Бэйсян Поздняя Мин абсолютно справедлива и занимает моральную высоту.

Затем анализировалось соотношение военных сил Поздней Мин и Бэйсян. Поздняя Мин — единая империя с огромной армией, Бэйсян же состоит из множества племён, разобщён, в основном занимается мелкими стычками.

Раз в вопросе Вашего Величества говорится о нападении пятисоттысячной армии, значит, непременно должен быть тот, кто объединил Бэйсян. Люди Бэйсян воинственны и любят драться, их нелегко подчинить, и тот, кто сможет это сделать, для Поздней Мин, несомненно, станет врагом, которого нельзя недооценивать.

Именно с этого места Чжу Линсы начал осознавать, что кругозор Цао Цзюньши превосходит многих сановников при дворе.

Те и вовсе не верили, что Бэйсян может объединиться, и с пренебрежением относились к его словам о пятистах тысячах войск.

Затем Цао Цзюньши писал: Бэйсян силён конницей, а наша династия ежегодно покупает у Бэйсян лошадей. Если они решат воевать с нами, Бэйсян непременно будет подмешивать к товару брак при торговле лошадьми.

С одной стороны, нам нужно обучать конницу, но с другой — следует признать естественное превосходство кочевых народов. Боевые возможности пехоты и конницы действительно трудно сравнивать.

Поэтому у нас должно быть нечто более могущественное, чем конница.

Чжу Линсы очень боялся, что на этом он остановится и лишь сделает намёк на будущее. Но, взглянув на работу в руках и увидев, что больше половины ещё не прочитано, он успокоился.

Цао Цзюньши, конечно, не стал тянуть интригу. Этим более могущественным, о чём он

говорил, были пушки.

В детстве он рос на побережье Фуцзяня, на его родину нападали пираты. Тогда местные морские силы захватили несколько пушек красных варваров, что произвело на юного Цао Цзюньши неизгладимое впечатление.

Ходили легенды, что пушки красных варваров, сколько ни укрепляй крепостные башни, не выдержат и трёх последовательных залпов.

Авторское примечание: Прошу подписок и комментариев... целую о(εε*)

<http://bllate.org/book/16200/1453958>